

Мы пили сидр

Солнечная принцесса проснулась раньше всех в Эквестрии и дала начало новому дню. Многие трудолюбивые пони принялись за работу с рассветными лучами. Ничего удивительного: утрення прохлада в жаркий летний день ценилась на вес выкованных подков, испечённых пирогов и обожжённой посуды. Удивительно то, что в этот час поднялась младшая из понивильских Эпплов, безо всяких видимых причин, ведь во время каникул можно спать допоздна. Если её талант и был связан с печью или горном, то до сих пор ничем себя не выдал. Вместо того, чтобы нежиться в постели, она встала и расправила сбитое в ком одеяло так, чтобы складок на нем было поменьше.

Эпплблум обошла дом и обняла каждого: и брата, и сестру, и уснувшую в кресле бабулю, и даже собаку. В брата она уткнулась с такой силой, что из ведра, дужку которого тот крепко держал в зубах, пролилось на пол немного мыльного раствора – семейного средства против жуков-короедов. Сестра неловко взмахнула раз-другой перепачканными в муке передними копытами, но потом вернула маленькой кобылке объятия, оставив на её спине мучные следы. Бабулю Эпплблум обняла нежно, негромкое дыхание старой пони звучало так же, как до легкого прикосновения. Вайнона в ответ на ласку смотрела умными глазами и быстро-быстро мотала хвостом.

Лишь после этого кобылка проскакала к деревянной будочке за домом – не только по необходимости, но и ради дела. Ведь крупно порубленная лебеда, смешанная с запаренной крутым кипятком дроблёной кукурузой, была лучшим лакомством для кур. Вокруг будки сорных трав хватает: кроме них в тени дома ничего не растёт. Эпплблум нарезала туповатым серпом целую охапку, пока не столкнулась с особо толстым и упрямым растением. Не менее упрямая малышка провозилась бы до полудня. К счастью, мимо пробежал Биг Макинтош. Он играючи вырвал сорняк с корнем, отмахнулся от благодарности и закрылся в будке.

Кобылка покормила кур, вернулась на кухню, к сестре, и предложила посильную помощь. Та пошутила, что наверняка можно получить метку в виде терки, если натереть морковь на пирог. «Увэ пвобовава», невнятно произнесла Эпплблум, сжав морковку зубами и придерживая терку копытами. Кончики морковок, слишком короткие для терки, она съедала задумчиво, даже печально. Следующее поручение, ошипывание лепестков ромашек, казалось, навело её на мрачные мысли. Над луком она расплакалась. Само по себе это ни о чём не говорило, но Эпплджек почувствовала неладное.

«Ты сегодня сама не своя, сестрёнка». Эпплблум промолчала. «Ты, может, переживаешь из-за метки?» Та покачала головой. «Если что стряслось, скажи мне или Биг Маку – мы всё уладим». – «Ничего... ничего не стряслось. Пирог уже пропёкся и может подгореть». И правда, было самое время проверить выпечку. Когда Эпплджек открыла печную дверцу, жарко запахло сдобой. Тонкой щепочкой пони проткнула душистый пирог, вынула её и тщательно осмотрела. Пирог был готов. А вот сестра к разговору – нет: на кухне её уже не было.

Эпплблум с большой осторожностью переставляла копытца, проходя мимо бабулиного кресла. «В дни, когда я была жеребёнком твоих лет, мы не переживали по пустякам». Кобылка поражённо замерла. Бабуля Смит проснулась, хотя Эпплблум была готова поклясться, что не издала ни звука. «У тебя уже есть самое главное: семья, крыша над головой и еда на тарелке». – «Но бабуля...» Старая пони негромким похрапыванием показала, что говорить с ней сейчас бесполезно.

Тем временем солнце поднялось высоко. В его свете трава и листья казались особенно зелёными, яблоки – ярко-красными, а небо – удивительно голубым. Но вместе с чистотой и яркостью красок пришёл зной, вытерпеть который могли разве что полевые сверчки. Биг Макинтош опустил кисть в ведро, вытер копытом пот со лба и направился в сторону дома. Стволы яблонь на его пути были темнее обычного и пахли мылом. Жеребец довольно улыбнулся.

Эпплджек распахнула кухонное окно и крикнула, едва сдерживая смех:

— Умойся, братец! Ты слишком молод для такой бороды!

Биг Мак остановился, перестал улыбаться, нахмурился. Эпплджек поспешно и безо всякого смеха добавила:

— Говорю же, умойся. У тебя пена на морде. Как накладная борода от маскарадного костюма Твайлайт.

— Агась, — он повеселел, подошел к бочке, что стояла под водосточной трубой, и снял с гвоздя жестяной ковшик. Вода ласково смыла пыль, пот, усталость и мыльную пену.

Наконец вся семья собралась за столом. Биг Макинтош был свеж, как яблоко на ветке. Бабуля Смит куталась в зимнюю шаль и, похоже, всё равно немного мёрзла. Эпплджек нахлобучила на голову сестры свою шляпу со словами «Вот кто сегодня главный повар!» Эпплблум смутилась. «Брось, я только помогала». — «Ты вовремя сказала, что пирог на подходе». Эпплджек посмотрела на кобылку в упор. Та сняла ковбойскую шляпу, положила её на стол перед сестрой и осторожно прыгнула со слишком высокого для неё стула. «Принесу из погреба мёд и сливки».

В меру сладкий, ароматный, сочный — пирог удался на славу. Кувшин со сливками слегка запотел, и копыта пони оставляли на нем мокрые дорожки. Шел неспешный разговор. Биг Мак спрашивал у бабули, какая погода подходит для того, чтобы привить к яблоне ветки вишен, которые обещала прислать семейная пара Черри, бабуля обстоятельно отвечала со ссылками на свой опыт и опыт дальней родни, а Эпплджек обещала вызвать у Рэйнбоу Дэш планы погодных пегасов до самого парада урожая. Эпплблум отрешённо водила кусочком пирога по блюдцу с мёдом, но когда сестра, осторожно подбирая слова, рассказала про «одного красного жеребца, грозу короедов» и его мыльную бороду, невольно улыбнулась.

— Может, споем? — сконфуженно предложил помянутый жеребец.

— Как насчёт селестианского гимна? — встрепенулась старая пони. — Из тех, что пели мои родители, а до них пели их родители, а до них пели их родители...

Внуки внимательно слушали, хотя было ясно, что продолжение никого не удивит.

— ...а до них пели их родители. Есть такой на примете?

— Агась. «Принцесса нас хранит» подойдёт?

Семья фермеров запела древний гимн. Бас Биг Макинтоша ненавязчиво направлял остальных. При такой поддержке голос Эпплблум окреп и звучал чисто, как перезвон медного колокольчика. Бабуля Смит пела негромко, но и этот чуть дрожащий напев был важен для семейного хора. Эпплджек пела с чувством, прикрыв глаза и прижав шляпу к сердцу.

Принцесса нас хранит.
Принцесса укротит
И Вечнодикий лес, и страшных тварей.
Принцесса не горда,
И вечно молода,
И нету в мире лучше государя!

Принцесса нас хранит,
Принцесса защитит
Ей присягнувших от любой невзгоды.
И с криком громким «ну!»
И солнце, и луну
Она погонит вскачь по небосводу.

Гимн смолк.

— ...не та песня, которую стоит петь перед принцессой Луной, — не по годам мудро выразила общее мнение Эпплблум. — Она обидится, — добавила кобылка в более характерной для неё манере.

— Кто-нибудь видел стопку писем, что я написала прошлым вечером? — вдруг спросила бабуля Смит, — Там письма для Эппл Бампкин, Эппл Крамбл, Эппл Хани, Эппл Боттом...

Те три Эппла, что не попали в список адресатов, терпеливо ждали, пока старая пони закончит фразу.

— ...Эппл Сайдр и Эппл Слайс. Кто найдёт — тому свяжу новый свитер!

Вязание не было сильной стороной бабули, но с завидным постоянством она одаривала внучат кусачими свитерами грубой работы. Возможно, поэтому внуки открывали шкафы, заглядывали под кровати, отодвигали тумбочки и шарили в щели за печкой без особого азарта. Всё же довольно скоро выяснилось, что в доме писем нет.

— Это ведь ты взяла письма, Эпплблум? — тихо спросила Эпплджек. — Хочешь метку почтальона или филателиста? А то и снова позоришь семью в газете?

Кобылка опешила. Слезы обиды сжимали горло и жгли глаза. Она развернулась, чтобы посмотреть на сестру, и заплакала, горько и беззвучно.

— Ты странно вела себя весь день, — оправдывалась Эпплджек, отводя взгляд. — А однажды взяла без спроса цветок Зекоры. Я...

— Ты НИЧЕГО не понимаешь! — выкрикнула Эпплблум и побежала в сторону своей спальни.

— Ну да, не понимаю, — беспомощно прошептала, смотря ей вслед, Эпплджек. — Ты не поделилась тем, что тебя тревожит, а я, ей-ей, мыслей не читаю...

В своей комнате Эпплблум плакала уже в голос и наполняла две небольшие седельные сумки важными для неё, полезными и просто памятными вещами. Восковые карандаши нужно взять непременно: пусть от них странный привкус во рту, зато не нужно чинить. Фонарик для чтения под одеялом, подарок брата, давно перегорел, но кобылка была не в силах его оставить. Пара розовых ленточек. Четыре монетки по одному биту. Плащ Меткоискателя.

Кобылка уходила с фермы медленно, опустив голову, шаркая ногами, будто к ним привязаны гири. Она хотела, чтобы её уговорили вернуться, и боялась, что не поддастся уговорам из упрямства. Эпплблум не знала, куда податься. К родне близ Галопного Ущелья? В Филлидельфию? В Эпплузу? Она хотела отсрочить выбор, потому пошла так, чтобы палящее солнце било ей в спину, а впереди была тень ростом не с

жеребёнка, а с взрослую пони.

Не знала она и того, что Эпплджек в это время плакала в амбаре, вытирая слёзы прядью, выпавшей из растрёпанной гривы. Перед ней лежали злополучные письма с марками, наклеенными вкривь и вкось.

— Догони её.

Эпплджек вздрогнула: она не слышала, как подошел Биг Мак.

— Хватит лить слёзы. Ты сглупила по-крупному, но чем сидеть тут и казнить свой длинный язык, лучше догони Эпплблум и извинись хорошенько.

— Поверить не могу, что я ей такое сказала...

Жеребец не ответил, подхватил сестру, перекинул через спину как мешок с кукурузными початками и потрусил к амбарной двери, а потом и к бочке с дождевой водой.

— Нет, Биг Мак! Прекрати! Хватит!

Но фермер сгрузил сестру у бочки и второй раз за день снял жестяной ковшик с гвоздя.

— Я люблю тебя, братец, — призналась Эпплджек, отплёвываясь от воды. Красный жеребец покачал головой и набрал ковшик заново. — Бегу, бегу. Не бойсь, я её догоню! Я могу здорово бегать, когда припечёт.

— И здорово хвастаться. Па тебя бы отшлёпал по крупу.

— У тебя варит котелок, Биг Мак, — прокричала Эпплджек, отбежав подальше, — но порой я жалею, что ты знаешь слова кроме «агась» и «не-а»!..

Эпплблум быстро выбилась из сил и прилегла на поляне, густо поросшей ромашками. Она воображала, какой станет через двадцать лет. Крепкая рабочая кобылка, которая зарабатывает на жизнь перегоню скота. Бизоны будут платить звонкой монетой за то, что она приведет их к бескрайним лугам, к сытой и спокойной жизни. Вот Эпплблум привольно гарцует по прерии. Нижняя часть её мордочки закрыта красным платком, на голове — фетровая шляпа, на крупе и на метке — тяжелая кобура с водяным пистолетом. Родной дом эта грозная искательница приключений навестит не раньше, чем заработает на собственное ранчо. Но тут она представила плакаты, расклеенные по столбам каждого эквестрийского города: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ Эпплблум за кражу писем бабули!» и горько вздохнула. Фантазии, навеянные историями о белом жеребце в маске по имени Лоун Рейнджер и его подручном, бизоне Тонто, лишь ненадолго отвлекли её от страшной правды: она никогда не вернётся домой.

Чтобы привыкнуть к полной лишений жизни, маленькая пони отщипнула венчик дикорастущей ромашки. Горькая. Отличается от столовой ромашки так же, как яблоко-дичок — от яблок с фермы. Увы! Такая у неё теперь судьба, горькая и невкусная. Бабуле Смит, когда та была жеребёнком, тоже не хватало еды. Но вот что странно: не было бы никакого Понивилия, если бы бабуля в детстве ела вдоволь. Может, благодаря горькой ромашке Эпплблум совершит что-то необыкновенное?..

Никто ей теперь не указ! Можно не пропалывать глупую морковку, а плавать в речке, плести венки из одуванчиков, гонять мяч с друзьями... и тут она стала совершенно несчастной. Свити и Скут не станут с ней

играть, они посчитают её отпетой негодяйкой. Мисс Черили, самая добрая учительница на свете, на неё и не посмотрит. Семья отречётся от Эпплблум и не даст ей приют.

Конечно, кобылка понимала, что эти чёрные мысли не более реальны, чем мечты о жизни в прерии, но подобно пони, что поминутно трогает языком больной зуб, она растравляла свои сердечные раны.

Кусты зашуршали, послышался собачий лай. На поляну выскочила Вайнона, за ней смущенная Эпплджек. Покрасневшие глаза и растрепанная грива сестры не укрылись от цепкого взгляда Эпплблум.

— Я тебя прощаю, — быстро проговорила маленькая кобылка и встала на ноги.

Эпплджек неловко топталась на месте: она-то ждала упрёков, криков, плача — другими словами, настоящей бури.

— ...Вот так просто?

— Агась. Ты не шибко любишь извиняться. Пойдём домой.

Сёстры возвращались молча, думая о чём-то своём. Они примирились на словах, но что-то мешало им обнять друг друга и улыбнуться. Расстояние между сёстрами было таким, что между ними свободно могло идти ещё две пони. Или одна Рэрити в сверхмодной гигантской шляпе. Или отчаянно жестикулирующая Пинки Пай.

— Где вы нашли письма? — спросила наконец Эпплблум и немного приблизилась к собеседнице, чтобы было удобнее слушать ответ.

— Их взяла Вайнона. Заметила, как бабуля облизывает марки и шлёпает их на конверты — видимо, решила помочь. Утащила письма в амбар... Ты лучше скажи, чего ходишь весь день смурная?

Пожалуй, двум пони между ними стало бы тесно.

— Мне приснился плохой сон. Я шла по городу и не встречала ни одного пони. Почему-то я знала, что пони нет ни в Понивиле, ни во всей Эквестрии, нигде! Было так одиноко!

— О, Эпплблум...

— Мне так не хватает ма и па, — почти шёпотом маленькая пони выдала сокровенное. Эпплджек раскрыла объятия, и кобылка долго плакала, уткнувшись в оранжевую шёрстку. Сестра гладила её по гриве, бормотала что-то утешительное, а когда всхлипы немного стихли, стала едва слышно напевать хорошо знакомую обеим песню, легонько покачиваясь в такт. Устоять перед простым ритмом было невозможно. Эпплблум начала подпевать.

Эта песня считалась чуточку легкомысленной, ведь пони в ней только и делали, что пили сидр и принимали гостей. Конечно, ни в сидре, ни в гостях ничего плохого нет. Но даже жеребёнок знает, что яблоки не стряхивают себя сами, без помощи крепких копыт.

Когда приехал в гости Кэнди Эппл,
Мы пили сидр до самого утра.

Когда кузен Делишез к нам приехал,
Мы пили сидр, он выпил полведра.

Гости всё прибывали и прибывали, за двадцать куплетов их число приблизилось к населению небольшой деревушки, а сидр, как ни странно, не кончался. Слезы Эпплблум высохли – очень трудно сразу и петь, и плакать.

Когда нас навестила Эппл Фриттер,
Мы пили сидр с яблочным суфле.
Когда приехал Тарт, кузен-кондитер,
Мы пили сидр и ели крем-брюле.

— Видишь, сколько у тебя родни, сахарок? Ты никогда не останешься одна...